

Свободное падение



Моим детям посвящается

Наталья Бабиченко-Павлова



Наталия Бабиченко

Свободное падение

<https://litres.ru/74091503>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Свободное падение» — тёплое, лёгкое и необыкновенно живое произведение с элементами фантастики, приключения, юмора и глубокого философского смысла.

В двух южных городах, в разных концах разных часовых поясов, одновременно происходят два падения. В сияющем Абу-Даби дочь российского посла Кира, мечтающая хоть раз выйти из-под безупречных правил и сделать собственный выбор, случайно срывается вниз с высоты. В Сочи молодой программист Игнат одновременно с Кирой входит в свободное падение. Два города, две судьбы, два невозможных совпадения — и одна точка, в которой случайность, благодаря квантовому скачку, становится спасением для всего человечества от захвата ИИ.

Произведение наполнено южным воздухом, роскошью восточного мира и живой красотой земли. Оно читается легко, с улыбкой, благодаря ироничной подаче, креативным сюжетным поворотам и ярким сценам, в которых почти сказочное соседствует с технологическим, а смешное неожиданно выводит к очень серьёзному.

Содержание

Глава 1. Солнце над заливом	5
Глава 2. Башня для Рапунцель	6
Глава 3. Кавалеры под охраной	8
Глава 4. Посольское воспитание	10
Глава 5. Кремовый конверт	13
Глава 6. Шанс на непослушание	15
Глава 7. Приглашение в окне	17
Глава 8. Воздушный колокольчик	19
Глава 9. Человек с синей бородой	21
Глава 10. Тайна на кухне	23
Глава 11. Орангутан под ливнем	25
Глава 12. Пять секунд над морем	27
Глава 13. Сообщение Грэтты	29
Глава 14. Слишком правильное платье	30
Глава 15. Магазин будущего	32
Глава 16. Наряд из микромодулей	34
Глава 17. Белоснежное превращение	37
Глава 18. «Аль-Мирадж»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталья Бабиченко

Свободное падение

Свободное падение

Моим детям посвящается

Наталья Бабиченко-Павлова

Рукопись

«Дети! Вы превзошли меня, и это правильный ход развития эволюции и моя особая гордость!»

Создавайте свой, ещё более удивительный и интересный мир, приумножая наследие цивилизаций и вековой генетический код добра и справедливости.

Я верю в вас!

И да, не доверяйте ИИ так, как самим себе. Никогда.»

Глава 1. Солнце над заливом

В Абу-Даби солнце было не редким подарком природы, а почти полноправным жителем города. Оно приходило каждый день, уверенно, щедро, без опозданий: ранним утром поднималось где-то на востоке, чуть севернее привычной линии горизонта, мягко касалось верхушек пальм, пробегало по белому камню террас, нежно золотило стеклянные башни и тонкими бликами ложилось на серебристую даль залива. А вечером, уже перед самым уходом на запад, оно становилось тёплым, медовым, почти домашним; и можно было выйти на веранду, взять чашечку свежесваренного кофе, оттопырить мизинчик с тем самым видом, будто ты родилась не просто девочкой, а маленькой принцессой, и наслаждаться последними лучами уходящего дня, мысленно желая ему сладких снов. Панорамные окна комнаты Киры, с высоченными потолками и изящной лепниной в стиле Версаля, выходили как раз туда, где по вечерам свет прокладывал по воде длинную золотую дорожку, прежде чем раствориться у края неба. А днём, за дворцами и домами, которые с такой высоты казались игрушечными, за пальмами и янтарным отблеском стекла, простирался залив. Он мерцал далеко-далеко, переливался под солнцем и уходил к самой небесной черте, словно там, за этим светлым краем, начиналось волшебство.

Глава 2. Башня для Рапунцель

Кира жила на тридцать восьмом этаже новой дипломатической резиденции, в огромной служебной квартире, предоставленной российским государством для семьи Чрезвычайного и Полномочного посла России в Объединённых Арабских Эмиратах. В детстве маленькая Кира часто представляла себя Рапунцель, заточённой в башне, которую непременно должен спасти принц. Даже когда Кира подросла, она всё ещё надеялась на принца, который спасёт её от семейного распорядка, тоталитарного контроля родителей, жёстких ограничений и от безупречных правил хорошего тона, ведь ей так хотелось пошалить иногда даже до скрежета зубов — по-настоящему, до невозможности, — но семья посла — это обязывает к безусловному соблюдению приличий. Ей казалось, что однажды непременно появится тот самый принц, поднимет голову и крикнет: “Рапунцель, сбрось свои волосы!” И она, конечно, сбросит. Выющиеся золотистые локоны у Киры были длинные, густые, мягкие, с тёплым шёлковым блеском; они ложились на плечи лёгкими прядями, упрямо выбивались из-под лент, непокорно путались в заколках, будто не желая вести себя слишком прилично, выдавая внутреннюю свободу и бунтарский характер своей хозяйки. Когда ветер трогал волосы девушки, они оживали, струились, вспыхивали нежным карамельным оттенком и словно

намекали хозяйке, что побег — дело вполне возможное, если подойти к нему с фантазией. А иногда Кира представляла себя Ассоль: смотрела далеко в сторону залива и воображала, как однажды там, у самой небесной черты, появится корабль с алыми парусами. Не белая яхта, не блестящий катер, не очередное судно с важными гостями, а именно корабль — настоящий, сказочный, с парусами цвета спелой вишни на солнце. И на нём, конечно, будет Грей. Он приплывёт за ней без приглашения, без согласования с охраной, без официального визита и без папиного разрешения. Просто увидит её башню, поймёт всё с первого взгляда и заберёт туда, где девочкам можно мечтать вслух, смеяться слишком громко и хотя бы иногда не быть образцовой дочерью посла. Правда, даже совсем маленькой она подозревала, что прежде чем спаситель успеет произнести вторую фразу, отец попросит у него паспорт, рекомендации, цель визита и объяснение, почему молодой человек собирается карабкаться в дипломатическую резиденцию без предварительной записи.

Глава 3. Кавалеры под охраной

Кавалеры, надо сказать, у Киры время от времени появлялись. Вернее, пытались появляться, но судьба их была печальна, а путь тернист. Один прислал ей огромный букет белых роз, такой торжественный, что его сначала приняли за официальное подношение от иностранной делегации. Букет целых двадцать минут изучали охрана, папин помощник и Роби. Она была домработницей, но это слово совершенно не выражало её настоящего положения в доме. Она была скорее добрым домашним генералом в мягких тапочках: полная, темнокожая, энергичная женщина с живыми глазами, звонкими браслетами на запястьях и лицом человека, который мог одновременно готовить завтрак, отчитывать младших детей, находить потерянные вещи и угадывать чужую печаль раньше, чем человек сам успевал её признать. Двигалась она легко, почти танцуя, словно её пышная фигура не подчинялась обычным законам физики. В доме её любили все, но Кира — особенно. Ей одной девочка могла доверить то, что не решалась рассказать никому другому. Так вот, Роби нюхала белые розы с таким подозрением, будто внутри мог прятаться жених. В конце концов цветы всё-таки передали Кире, но вместе с короткой запиской от папы: “Цветы прекрасные. Молодой человек — преждевременный”. Другой поклонник оказался смелее. Он решил подождать Киру у входа в школу

с чашечкой кофе и круассаном. Кира даже успела увидеть его из окна машины и подумать, что у парня, пожалуй, милая улыбка. Но в тот же миг рядом с ним бесшумно возник водитель, потом сотрудник охраны, потом папин помощник, а через пять минут несчастный юноша уже стоял с остывшим кофе и внимательно слушал небольшую лекцию о том, почему спонтанность вблизи дипломатических объектов может быть неправильно истолкована. Был ещё один особенно романтичный случай. Одноклассник написал Кире письмо от руки — настоящее, на бумаге, с завитушками, стихами и двумя словами “ты необыкновенная”, подчёркнутыми дважды. Кира нашла это трогательным. Папа тоже нашёл письмо трогательным, но почему-то сразу заметил четыре грамматические ошибки, один сомнительный оборот и полное отсутствие жизненной стратегии. После этого юноше мысленно отказали не только в руке Киры, но и, кажется, в праве пользоваться чернилами без присмотра взрослых. Самым отчаянным оказался сын одного крупного бизнесмена.

Глава 4. Посольское воспитание

Он пригласил Киру на вечернюю прогулку, причём сделал это так благородно, что даже она на мгновение растерялась. “Только час, — сказал он, — только мороженое и разговор”. Звучало почти невинно. Но отец, выслушав пересказ, внутренне собрался, как перед важнейшим заседанием, и за двенадцать минут объяснил дочери, что мороженое — это не просто мороженое, а начало цепочки событий, в которой есть общественное мнение, фотографии, комментарии, заголовки, репутационные риски и, возможно, преждевременная свадьба с человеком, который ещё даже не выбрал профессию. Причём отец никогда не говорил просто “нет”. Это было бы слишком грубо, слишком бедно и совсем не в его стиле. Он приводил множество причин — тонких, веских, выстроенных так аккуратно, что уже на первой минуте папиного доклада даже самой Кире начинало казаться: да, пожалуй, этот молодой человек действительно не подходит, а если разобраться глубже, то, возможно, представляет угрозу не только её сердцу, но и международной стабильности. Отец был прирождённым оратором и обладал редким даром убеждать людей так, что они уходили с его мнением, искренне полагая, будто пришли к нему сами. Впрочем, других в послах России, вероятно, и не держат. Перед тем как произнести очередную речь, он всегда чуть собирался внутренне,

словно перед решающей битвой: взгляд становился сосредоточенным, плечи неподвижными, а голос — мягким, почти сокровенным. Он словно мурлыкал: мелодично, чинно, без единой резкой ноты, гипнотизируя Киру и постепенно лишая её всякой возможности выбора. Кира знала этот взгляд и этот голос с детства. Они означали одно: сопротивление бесполезно, но выслушают тебя с большим уважением. Что характерно, отец с самого раннего детства разговаривал с дочерью как со взрослым человеком — почти равным ему по уму, возрасту и статусу. Это ужасно подкупало маленькую Киру, поднимало ей самооценку и позволяло ходить, высоко задрав юный курносый носик. Порой она смотрела на мир почти по-царски: входила в школьный класс с подбородком, слегка приподнятым вверх, устремляя взгляд чуть выше линии глаз собеседников — не в упор, а будто сквозь них, в далёкую государственную перспективу. Продолжалось это до тех пор, пока однажды она не споткнулась о портфель соседа по парте и не растянулась перед всем классом с таким грохотом, что царствование пришлось временно приостановить. К счастью, это короткое пребывание на воображаемом троне не помешало ей вырасти доброй, чуткой и отзывчивой девочкой. С виду она казалась ранимой и изящной, как тонкая фарфоровая чашка, которую страшно поставить слишком близко к краю стола; стройной, гибкой, с мягкими, ещё по-девичьи округлыми линиями, а внутри у неё жила жёсткая воля, почти бойцовский характер и нежная, тонко чув-

ствующая душа. В ней не было болезненной худобы; её красота держалась на тонкости, а не на ломкости. В общем, к семнадцати годам получилась гремучая смесь красоты, мягкости и бунтарства, которую всё труднее было удерживать за воспитанной маской согласия и примирения.

Глава 5. Кремовый конверт

Сегодня, 19 июня 2069 года, Кира стояла у окна уже не маленькой Рапунцель и не мечтательной Ассоль, а восемнадцатилетней выпускницей, которой предстояло безропотно вступить в заранее приготовленную и тщательно спланированную семьёй прекрасную жизнь. В соседней комнате отец с матерью уже обсуждали её будущий университет с той степенью серьёзности и увлечённости, с какой обычно выбирают новый автомобиль и заранее просчитывают все его технические характеристики. Кира слушала их разговор отстранённо. В этот момент она была где-то очень далеко, предаваясь мечтам о взрослой, самостоятельной жизни, в которой можно самой принимать решения, самой ошибаться, самой выбирать, с кем дружить, куда идти и во сколько возвращаться домой, не отчитываясь за каждый шаг, взгляд и вздох. На письменном столе лежал кремовый конверт — приглашение на закрытое вечернее шоу на борту роскошной яхты шейха Саида аль-Нахайяна «Лунный жасмин». Отец её подруги Грэтты работал у шейха главным по искусственному интеллекту. Он был человеком настолько харизматичным, ярким и выдающимся, что шейх приблизил его к себе почти вплотную и советовался с ним по любому поводу, словно с придворным визирем из старой восточной сказки. Грэтта часто рассказывала Кире про шейха, про его го-

стей, про приёмы, ужины, закрытые показы, ночные прогулки по воде, музыку, огни, смех и ту лёгкость жизни, в которой, казалось, никто никому не приказывает, как сидеть, как улыбаться и как правильно устраивать своё будущее. Кира слушала эти рассказы с большим интересом и восхищением. Это было совсем другое измерение — пространство роскоши, свободы и удовольствий. Поэтому, когда подруга, не привлекая внимания, вручила ей заветное приглашение, Кира оказалась на седьмом небе от счастья. Она то и дело брала приглашение в руки, гладила его бархатистую поверхность и выбитые дорогой позолотой узоры, подносила к лицу, вдыхала едва уловимый запах дорогих арабских духов и почти не выпускала конверт из рук. То кружилась с ним по комнате, тихо, счастливо, едва касаясь пола, то вдруг замирала и мечтательно устремляла взгляд на линию горизонта, словно именно оттуда уже начинала приближаться её настоящая жизнь.

Глава 6. Шанс на непослушание

Ветер тронул занавески. Они поднялись легко, белыми волнами, и на секунду комната стала похожа на каюту большого корабля, который вот-вот снимется с якоря и уйдёт навстречу приключениям. Золотистые локоны Киры мягко скользнули на плечи, вспыхнули в солнечном свете и тут же рассыпались снова, будто и сами не желали знать покоя. Она чуть передёрнула плечиком, словно сбрасывая с себя чью-то невидимую властную руку, и тихо, почти шёпотом, сказала самой себе: — Кира, сделай то. Кира, надень это. Кира, не спорь. Кира, улыбнись. Кира, не говори: “Я не хочу”, это невежливо... Она на мгновение замолчала, посмотрела в сторону сияющей воды и уже совсем другим голосом, тише и серьёзнее, спросила: — А чего хочу я сама? Заветное приглашение лежало перед ней, будто маленький ключик от чужой, запретной и прекрасной жизни. Кира вспомнила, как Грэтта шепнула ей, передавая конверт: — Это твой шанс. Только не вздумай опять быть послушной. Кира снова взяла приглашение в руки. Она отчётливо понимала, что устроит ей отец после побега на праздник, но это будет потом. Сегодня вечером на борту роскошной яхты шейха её ждали музыка, огни, нарядные гости, смех, тёплый вечер над заливом — всё то, что всегда как будто проходило мимо, в каком-то параллельном, недоступном для неё измерении. Она снова

медленно провела пальцем по золотым буквам, и внутри у неё радостно, сладко и немного тревожно шевельнулось то самое чувство, с которого обычно начинаются самые прекрасные неприятности. А внизу, на большой кухне, уже пахло булочками с корицей. Роби хлопотала у стола и, как всегда, ворчала себе под нос с такой сердечной искренностью, что даже её недовольство звучало почти ласково: — Бедная девочка... Все знают, куда ей поступать, с кем ей дружить, когда ей улыбаться. А чего хочет девочка? Нет, это уже на грани фантастики.

Глава 7. Приглашение в окне

Но едва Кира успела ещё раз поднести приглашение к лицу, как хрупкое, почти волшебное уединение её комнаты было разрушено самым прозаическим образом. Дверь распахнулась так резко, будто в дом ворвалась внезапная дипломатическая делегация. На пороге возникла младшая сестра — взъерошенная, покрасневшая и до предела возмущённая. — Кира! Скажи ему, чтобы он отстал! Не успела Кира даже опустить руку с конвертом, как вслед за сестрой в комнату влетел брат — с тем особым выражением лица, какое бывает у мальчиков, когда они одновременно уверены в собственной правоте, оскорблены до глубины души и готовы немедленно перейти к военным действиям. — Отдай, что взяла! — крикнул он с порога. — Я сказал, быстро отдай! — Я ничего не брала! — вспыхнула сестра. — А кто тогда взял моего робота? — Он сам ко мне пришёл! — Он стоял на зарядке! — Значит, ты плохо его воспитал! На секунду Кира закрыла глаза. Вот уж чего ей сейчас совершенно не хотелось, так это быть верховным семейным судьёй по делу о самовольном побеге механического робота. Она уже открыла рот, собираясь сказать что-нибудь строгое, разумное и гораздо старше своих лет, но именно в этот момент всё произошло разом: дверь хлопнула о стену, шторы рванулись внутрь от сквозняка, тонкий воздух комнаты закрутился мощной бес-

покойной воронкой — и заветное приглашение выскользнуло из её пальцев. Оно дрогнуло, будто передумало принадлежать Кире, и устремилось к открытому окну так молниеносно, что девушка смогла среагировать лишь в последний момент и рванула за ним, пытаясь дотянуться из окна. Она подалась вперёд ещё на какую-то опасную, лишнюю долю секунды, слишком доверившись телу, слишком понадеявшись на удачу и на то, что мир не посмеет уронить дочь посла из окна тридцать восьмого этажа в такой прекрасный солнечный день. Но мир, как выяснилось, не слишком интересовался дипломатическим протоколом. В следующее мгновение Кира потеряла опору. Всё произошло так быстро, что страх даже не сразу успел догнать происходящее: лёгкий толчок воздуха, качнувшийся горизонт, белая вспышка стены, золотой жар солнца — и вот она уже не стоит на полу, а летит вниз вслед за своим приглашением.

Глава 8. Воздушный колокольчик

Сердце Киры, казалось, выпрыгивало из груди. Страх и отчаяние словно парализовали тело, и только одна мысль пульсировала в висках: неужели всё закончится, так и не успев начаться? Но судьбу, как известно, не обманешь. Этот день обязан был стать необычным, ведущим к переменам, может быть даже переломным, — но всё же не до такой степени. Тридцать восьмой этаж не мог оставить ни малейших шансов на чудо. Тридцать восьмой этаж — нет. А вот рекламная конструкция нового городского цирка, выполненная по последнему слову техники, — очень даже да. Внутри цилиндра скрывался амортизационный модуль, рассчитанный на рекламные трюки и аварийные перегрузки; именно он и принял на себя удар. Конструкция представляла собой огромную фигуру фокусника, одетого с нарочитой театральной роскошью: ослепительно белые перчатки, сияющий фрак, лукавая улыбка и громадная шляпа в форме цилиндра. Фокусник то поднимал руку с цилиндром вверх, то опускал её вниз, и в этот самый момент из цилиндра появлялась гигантская пушистая белоснежная голова милого кролика. Он то радостно выныривал наружу, поводя длинными ушами и блестя круглыми глазами, то снова прятался в глубине цилиндра, оставляя снаружи только белые ушки. Над всей этой красотой мерцала надпись на арабском и англий-

ском: «Лови момент и жди чуда». В последние секунды падения случилось ещё одно маленькое, почти незаметное событие. Лёгкое платье Киры, подхваченное восходящим потоком между раскалённой стеной здания и прохладной тенью огромной рекламной конструкции, вдруг раскрылось вокруг неё мягким белым колоколом. На мгновение оно стало похоже на воздушный колокольчик: ткань натянулась, поймала особое завихрение, вздрогнула всей поверхностью и резко замедлила падение. Не остановила, конечно, но смягчила скорость настолько, что следующий удар уже не должен был стать смертельным. И надо же было такому случиться, что в ту самую секунду, когда Кира стремительно летела вниз, кролик как раз юркнул обратно. Ещё миг — и девушка влетела прямо в этот гигантский цилиндр, наполненный мягким пушистым очарованием. Но чудеса на этом не закончились. Когда белоснежный артист снова появился из шляпы, вместе с ним, попкой кверху, вцепившись руками и ногами в его длинные усы и мягкую огромную голову, показалась и Кира. На несколько мгновений площадь внизу словно онемела. Потом кто-то ахнул, кто-то засмеялся, а кто-то тут же выхватил телефон и начал снимать. Кролик снова скрылся в цилиндре — и Кира исчезла вместе с ним. Через секунду он вынырнул опять, и вместе с ним снова появилась Кира, всё в том же нелепом и отчаянно смешном положении. Так продолжалось ещё несколько раз, и с каждым новым появлением Киры на площади толпа становилась всё больше.

Глава 9. Человек с синей бородой

И тут, лавируя между толпой любопытствующих, к цилиндру подбежал высокий мужчина с ярко-синей бородой и серьгой в ухе. Вид у него был такой, будто он только что сошёл либо со сцены модного музыкального фестиваля, либо со съёмок клипа, где всем велено быть немного красивее, чем в обычной жизни. На нём была свободная белая рубашка, распахнутая до груди, лёгкие брюки и кроссовки такой безупречной чистоты, что становилось непонятно, как он вообще передвигается по земле. Мужчина одним быстрым взглядом оценил происходящее, легко вскочил на служебную площадку у основания конструкции и, когда фокусник опустил руку с цилиндром вниз, максимально приблизив его к служебной площадке, а белоснежный артист в очередной раз вынырнул наружу вместе с Кирой, протянул вверх руку. — Давай! Хватайся! Кира, у которой к тому моменту уже не осталось ни сил, ни гордости, ни выбора, отпустила один ус, потом другой, кое-как перехватилась и почти рухнула на площадку. Мужчина удержал её удивительно легко, будто каждый день снимал с цирковых кроликов перепуганных дочерей послов. Несколько секунд Кира просто стояла, тяжело дыша, прижимая к груди злополучное приглашение и не вполне веря, что всё ещё жива. Потом торопливо поправила волосы, потёрла затылок, локоть и только после этого под-

няла глаза на своего спасителя. Он улыбался ей во все зубы. Вернее, почти во все. Одного явно не хватало, но это его несколько не смущало. Напротив, улыбка выходила такой широкой, открытой и самоуверенной, что отсутствие зуба казалось не недостатком, а дерзкой частью образа. Синяя борода ярко сверкала на солнце, серьга поблёскивала у уха, а сам он смотрел на Киру с тем нескрываемым интересом, с каким мужчины обычно смотрят на очень красивых девушек, особенно если такие девушки только что свалились на них буквально с неба. — Ты в порядке? — спросил он по-английски, чуть растягивая слова и всё так же сияя своей невозможной улыбкой. — Спасибо, — буркнула Кира, стараясь звучать сухо, спокойно и так, словно подобные приключения с ней случаются не реже двух раз в неделю. Она одёрнула платье, ещё раз приладила волосы, бросила на мужчину короткий взгляд и тут же отвела глаза. Нет, он был, конечно, эффектным, но не до такой степени, о которой мечтала Кира. — Только синей бороды мне ещё не хватало, — пробормотала Кира себе под нос, развернувшись в сторону дома и стараясь держать спину прямо. Это давалось особенно трудно. В конце концов, всё происходящее было куда эпичнее, чем Кирино эйфорическое приземление в классе много лет назад.

Глава 10. Тайна на кухне

На запястье мигнул смарт-браслет: 19.06.2069. 18:19. Кира машинально посмотрела на время, потом на своё отражение в тёмном стекле боковой двери и чуть поморщилась. Волосы растрепались, на щеке проступила тонкая ссадина, локоть неприятно ныл, а вид был такой, будто она не просто вышла подышать воздухом, а успела поучаствовать в уличном цирковом номере без предупреждения и страховки. К счастью, приглашение всё ещё было при ней. Кира бережно прижала конверт к груди, как нечто живое и драгоценное, и только теперь с облегчением подумала, что брат с сестрой, к счастью, так ничего и не заметили. Они были до того увлечены своим спором из-за робота, что, продолжая на ходу выяснять, кто прав, а кто безнадёжно глуп, умчались в другую комнату ещё до того, как всё случилось. В противном случае весь дом уже стоял бы на ушах, а отец, возможно, успел бы объявить чрезвычайное положение семейного масштаба. Кира расправила плечи, пригладила ладонью волосы и направилась к дому с тем сосредоточенным достоинством, с каким женщины обычно возвращаются туда, где никто не должен догадаться, что с ними только что произошло нечто совершенно невероятное. Войдя в квартиру, она сразу услышала знакомый домашний шум: звон посуды, голоса, шаги, лёгкую суету большого дома, в котором всё всегда устроено

правильно и по распорядку. На кухне семья уже собралась за столом. Младшие снова о чём-то спорили, мать слушала их, отец говорил негромко, но так, что его всё равно было слышно лучше остальных. Только одна Кира знала, что всего несколько минут назад летела вниз с тридцать восьмого этажа, вцепившись в циркового кролика, и от этой тайны у неё просто шла кругом голова. Дог Скуби лежал у открытого окна, подставив круглое пузо солнечным лучам, и лениво дёргал лапой во сне. Отец застегнул запонки, поцеловал мать в щёку и направился к выходу. — Кира, вечером поговорим, — сказал он тоном, каким обычно объявляют уже принятое государственное решение. Но что-то в поведении папы насторожило Киру, взгляд был отрешённым, голос механическим, словно отец чеканил монеты, но Кира списала это на накопленную усталость отца за долгие годы службы. — Конечно, папа, — ответила Кира. Мать наконец увела младших детей и воцарилась тишина.

Глава 11. Орангутан под ливнем

19 июня 2069 года, Сочи. Гром, шум дождя, практически тропический ливень. У автобусной остановки, под стеклянным навесом, стояли две однокурсницы Игната и подхихикивали, наблюдая за представлением, которое он с увлечением для них устроил. Игнату было двадцать два года, он как раз сдал последний экзамен и, словом, был уже почти дипломированным специалистом с красным дипломом в области программирования, нанотехнологий и искусственного интеллекта, но в его душе всё ещё жил озорной непоседа родом из детства, который решил, что именно сейчас, в грозу и ливень, самое подходящее время ползти по деревьям и произвести впечатление на девушек. Сначала он стал смешно изображать орангутана и почему-то совершенно искренне уверовал, что точно так же, как и мартышки, умеет лихо лазать по веткам. Он очень даже правдоподобно угукал, наклонял вниз руки, чтобы они казались длиннее, приседал на корточки и вообще вёл себя как типичный самец, охваченный древним и безнадёжным желанием понравиться противоположному полу. Девушки под навесом смеялись всё звонче, а Игнат, воодушевлённый этим успехом, полез ещё выше. Высокое тонкое дерево, на которое так лихо взобрался Игнат, выглядело красиво только издали. Под дождём его тёмный ствол стал скользким, ветви — ненадёжными, а вся кро-

на дрожала под тяжестью воды, будто заранее предчувствовала недоброе. Оно качнулось под ним раз, другой и издало тихий, но очень отчётливый предупредительный хруст. Девушки под навесом мгновенно перестали смеяться и уже не подхихикивали, а по-настоящему встревожились. Одна даже вскрикнула, чтобы он немедленно слезал вниз, но Игнат к этому моменту настолько вошёл в роль, что не заметил их обеспокоенности и не услышал криков. Он только ещё шире развёл руки, ещё сильнее присел, ещё убедительнее угукнул — и в ту же секунду дерево переломилось пополам. А в следующее мгновение всё понеслось так быстро, мокро и нелепо, что даже страх не сразу успел вступить в свои права.

Глава 12. Пять секунд над морем

Игнат сорвался вниз, но не рухнул сразу в грязь, а с размаху влетел в огромный раскидистый папоротник, росший чуть ниже по склону. Мокрая зелёная махина дрогнула, накренилась и, не выдержав удара, с громким треском рванула вниз вместе с ним. В какой-то момент Игнат совершенно непроизвольно оседлал этот куст и продолжил катиться уже на нём, как на безумных природных санях, подпрыгивая на кочках всё выше и выше, не выпуская при этом папоротник из рук, словно он на родео пытается усидеть в седле разъярённого быка. Надо сказать, что, несмотря на опасность ситуации, картина со стороны выглядела очень смешно. Листья хлестали по лицу и плечам, грязь летела из-под него веером, дождь лупил в глаза, а земля под папоротником уходила вниз так стремительно, что у Игната не оставалось ни секунды, чтобы осмотреться и принять меры к своему спасению. Безумие это сопровождалось мощнейшими раскатами грома и витиеватыми молниями, которые на короткое мгновение озаряли всё небо, и тогда становилось светло-светло, почти как днём, а затем мир снова погружался в тяжёлую темноту непогоды. В лицо Игнату продолжали лететь брызги, листья и мелкие ветки, как вдруг по совершенно нелепой случайности пролетававший мимо бумажный рекламный плакат, сорванный бурей, вдруг решил, что наконец-то нашёл

свою обитель, и закрепился прямо на лице у Игната, словно маска, выбравшая себе нового хозяина. Теперь ровно поверх лица юноши красовалась морда орангутана. Так что со стороны могло показаться, будто с мокрой грязной горы стремительно летит не кто иной, как самый настоящий орангутан — в чистом виде, правда, очень грязный. Будто моментальная карма настигла Игната за то, что он передразнивал дитя природы. Игнат съезжал всё ниже, всё быстрее, уже почти не понимая, где верх, где низ и в какой именно момент его жизнь так резко свернула не туда. А потом склон внезапно закончился. Впереди уже не было ни земли, ни кустов, ни спасительной грязи. Впереди был только обрыв, воздух и море. И вот именно с этого обрыва у него началось настоящее падение — ровно пять секунд, в 17:19 по местному времени. Те самые пять секунд, которым суждено было разделить его жизнь на до и после.

Глава 13. Сообщение Грэтты

Теперь уже ничто не мешало Кире заняться главным. На браслет пришло короткое звуковое сообщение. Голос Грэтты прозвучал сдержанно, почти сухо, совсем не так, как прежде. Обычно в нём звенели смех, заговорщическая весёлость и лёгкая дерзость, а сейчас он был ровным, торопливым и каким-то странно приглушённым: — Жду у парадной двери. Кира тут же ответила: — Хорошо. И только после этого на секунду задумалась. Что-то в голосе подруги было не так. Совсем чуть-чуть, почти неуловимо, но всё же не так. Грэтта будто говорила издалека, сдерживая привычную живость. Кира это заметила, но, как и со странным взглядом отца, сразу отогнала неприятную мысль. Вечер уже переставал быть мечтой и становился чем-то настоящим, почти осязаемым, как прохладная бумага конверта в руке, как быстрый пульс под кожей, как лёгкая дрожь ожидания, пробегающая по спине. Они договорились встретиться ровно в семь вечера, и теперь у Киры оставалось совсем немного времени.

Глава 14. Слишком правильное платье

Кира вышла из комнаты почти неслышно, будто даже стены не должны были раньше времени узнать о её побеге. Спускаясь вниз, она на секунду замедлила шаг у большого зеркала в холле, быстро взглянула на себя, поправила выбившуюся прядь и осталась довольна: всё выглядело именно так, как нужно. Не слишком старательно, не слишком скромно, не слишком вызывающе. Ровно настолько красиво, чтобы самой себе понравиться. Платье подчёркивало тонкую талию и мягкую линию бёдер; в зеркале она казалась не худенькой девочкой, а юной, уже расцветающей девушкой. У парадной двери уже ждал вечер — тёплый, душистый, с мягким золотом заката, с тонким шелестом листвы и с тем особенным обещанием, которое бывает только у южных сумерек. Кира вышла наружу и сразу увидела Грэтту. Та стояла у машины, прислонившись к дверце, одетая свободно, раскрепощённо, без малейшего намёка на чопорность — совсем не в том стиле примерной мисс Чулок, который родители Киры всегда навязывали дочери с большим успехом. Но в этот раз что-то в ней всё-таки было не так. Слишком неподвижная поза, слишком прямые плечи, слишком спокойное лицо. Даже улыбка, которой Грэтта встретила Киру, вышла какой-то ко-

роткой, будто вспомнила о себе только в последний момент. — А я переживала, что ты передумаешь взять меня с собой и уедешь без меня, — улыбнулась Кира. — Без тебя? Никогда, — ответила Грэтта, и в её голосе наконец мелькнуло что-то знакомое, почти прежнее. Кира подошла ближе, и подружки быстро, почти машинально, коснулись друг друга щеками. Потом Грэтта скользнула взглядом по платью Киры, по волосам, по лицу и сказала: — Нет. — Что значит “нет”? — растерялась Кира. — Это значит нет. Ты красива бесспорно. Но сейчас ты выглядишь не как девушка, которая едет на закрытую вечеринку на яхту шейха, а как очень воспитанная победительница международной олимпиады по хорошим манерам. Кира моргнула. — Это платье недостаточно... — Грэтта чуть подвигала пальцами в воздухе, подбирая слово. — ...опасно. Оно слишком правильное. А сегодня тебе нельзя быть правильной. — У нас нет времени, — попыталась возразить Кира. — Наоборот. У нас ровно столько времени, чтобы спасти положение, — спокойно ответила Грэтта. — Поехали.

Глава 15. Магазин будущего

Магазин, в который они приехали, был не просто магазином для богатых. Это было место, где роскошь уже давно перестала быть просто роскошью и стала чем-то вроде высоких технологий, доведённых до искусства. Всё внутри сияло, переливалось, дышало прохладой, дорогими духами, приглушённым светом и таким уверенным благополучием, что даже воздух, казалось, знал себе цену. Никаких привычных рядов с платьями, плечиков и суетливых продавцов. Вместо этого вдоль стен тянулись гладкие панели, в каждую из которых был встроен тонкий сенсорный экран. На экране необходимо было выбрать модель, цвет и размер. Для визуализации перед подачей платья высвечивался предпросмотр наряда уже на фигуре покупательницы в режиме онлайн, кнопкой можно было изменять расцветки и выбрать более подходящее под цвет глаз. Грэтта уверенно проводила пальцем по меню, будто делала это каждый день, выбирая сразу несколько вариантов. Наконец она нажала на светящуюся панель, и через пару секунд в стене мягко отъехала дверца. Внутри уже лежал выбранный наряд для примерки. Примерочная оказалась ещё эффектнее. Стоило Кире войти внутрь, как зеркало ожило, а приятный женский голос вежливо осведомился: — Добрый вечер. Выберите режим освещения. — Светлее, — осторожно сказала Кира. Свет тут же стал мяг-

че и выгоднее. — Покажи вид сбоку, — уверенно командовала Грэтта. Слева бесшумно раздвинулась зеркальная панель. — Сзади. Раздвинулась ещё одна. Через секунду Кира уже стояла внутри полного зеркального обзора, окружённая собственным отражением со всех сторон. — Боже мой, — прошептала она. — Здесь от себя вообще не спрячешься. — В этом и смысл, — отозвалась Грэтта. — Богатая женщина должна знать о себе всё. Наряды один за другим появлялись из скрытых ниш с такой безупречной скоростью, будто сам магазин давно составил о Кире своё мнение и теперь только уточнял детали. Один был слишком скромным. Другой — слишком нарядным. Третий выглядел вызывающе. Грэтта морщилась, качала головой, просила следующее. И именно в тот момент, когда Кира уже начала подозревать, что её ждёт бесславная смерть в примерочной среди слишком дорогих вещей, рядом с ними почти бесшумно возникла продавец. Высокая, идеально собранная, с гладкими волосами, безукоризненной улыбкой и голосом, похожим на тёплый шёлк, она посмотрела сначала на Грэтту, потом на Киру и сразу всё поняла. — Если вы ищете нечто по-настоящему особенное, у нас есть одна вещь. Но она не представлена в общем каталоге. Грэтта мгновенно оживилась. — Покажите. Продавец кивнула и подвела их к отдельной панели, скрытой в глубине зала. Та вспыхнула мягким светом, бесшумно распахнулась, и на тонком постаменте перед ними появился наряд.

Глава 16. Наряд из микромодулей

На первый взгляд — почти простой. Но в этой простоте было что-то подозрительно гордое. Он выглядел так, словно прекрасно знал себе цену и не нуждался в чужом одобрении. — Это наша новейшая разработка, — произнесла продавец с тем благоговением, с каким обычно представляют драгоценности или маленькие чудеса. — Последнее слово нанотехнологий. Она достала тонкий серебристый пульт, похожий скорее на ювелирное украшение, чем на устройство управления. — Наряд состоит не из ткани в привычном смысле, а из миллионов микромодулей. Каждый такой элемент имеет множество граней, умеет сцепляться с любой стороной, менять угол, плотность, цвет, фактуру, сжиматься, удлиняться и перестраиваться по заданной команде. По сути, это не один наряд, а целая система. Покупая его, вы покупаете сразу тридцать образов. От коктейльного варианта до наряда в пол с открытыми плечами, открытой спиной, более смелой зоной декольте, силуэтом футляра и множеством других конфигураций. Более неоднозначные варианты идут приятным бонусом к нашей топовой брендовой нано-вещице. Кира посмотрела на наряд с уважением и лёгким ужасом. — Простите, он случайно не умеет ещё и вести светскую беседу? — Пока нет, — с достоинством ответила продавец. — Но мы работаем над этим. Грэтта уже улыбалась. — Я хочу по-

смотреть, как он меняется. Продавец нажала несколько кнопок на пульте. Наряд почти незаметно дрогнул. Микромодули пересобрались за долю секунды, и его форма тут же изменилась. Ещё одно нажатие — и силуэт стал другим. Ещё — открылись плечи. Ещё — линия стала строже и собраннее. Всё происходило так быстро и так гладко, словно вещь не шили, а каждый раз заново собирали прямо у них на глазах. Более того, кнопкой пульта можно было изменить цвет от ярко-красного до хамелеона и размер от XS до XXXXL. — А вот это опасно, — рассмеялась Кира. — Нет никакого стимула оставаться стройной, если можно с лёгкостью нажать на кнопочку пульта и наряд снова станет свободным. В этот самый момент продавец, до сих пор стоявшая чуть в стороне с тем безупречным тактом, который отличает по-настоящему дорогой сервис от назойливости, мягко подалась вперёд. Хороший продавец умеет вставить одно-единственное веское слово именно тогда, когда клиент уже почти влюбился в вещь, но ещё не понял, насколько глубоко. — Если позволите, к нано-наряду я могла бы предложить ещё одну интересную вещь. Она работает по тому же принципу и управляется с этого же пульта. Грэтта сразу повернула к ней голову с живым интересом. — Покажите. Продавец сделала едва заметный жест, и из соседней панели, на узкой бархатной подложке, почти бесшумно выехал аксессуар, который с первого взгляда невозможно было определить. Он был слишком изящным для простой заколки, слишком нарядным для

обычного украшения и слишком хитро устроенным, чтобы оказаться чем-то одним. — Это нано-аксессуар для волос, — сдержанно пояснила продавец. — В базовом режиме он может быть заколкой. Но по желанию легко перестраивается в шляпку, шиньон, косынку, бандану, шляпу с широкими полями и в целый ряд более смелых решений. — Например? — оживилась Грэтта. Продавец и бровью не повела. — Ушки эльфа или суперкошки. Некоторые сценические вариации. Несколько неоднозначных образов входят приятным бонусом в премиальную комплектацию. Кира медленно перевела взгляд с аксессуара на продавца. — Простите... ушки суперкошки? — Да, — невозмутимо подтвердила та. — Очень востребованный режим у молодых клиенток с чувством юмора и хорошими скулами.

Глава 17. Белоснежное превращение

Грэтта сразу перешла к делу. — Всё, — сказала она спокойно. — Я покупаю этот наряд и аксессуар для волос себе. Кира уставилась на неё. — Ты с ума сошла? Он стоит как остров в Средиземном море. — Поэтому он мне и нравится, — невозмутимо ответила Грэтта. — А на сегодняшний вечер я даю его тебе напрокат. — Грэтта... — Не спорь. Папа вполне может позволить своей дочери любую прихоть. Тем более такую находку он точно одобрит и сам с удовольствием посмеётся над забавными сменами образа. Сказано это было легко, без тени хвастовства, как говорят люди, для которых некоторые невозможные вещи давно стали обыкновенными. И Кира поняла, что возражать бесполезно. Её начали наряжать. Для неё выбрали самый лёгкий, самый нежный и при этом самый опасно красивый вариант — лучезарно-белоснежный. Микромодули дрогнули, перестроились, и наряд стал похож на лёгкую воздушную пелену, будто сотканную из света и южного тепла. Он мягко обволакивал фигуру Киры, подчёркивая её достоинства. Кира была девушкой с формами — мягкими, живыми, гармоничными, пропорциональными. На её загорелом теле этот белоснежный наряд смотрелся особенно очаровательно. Казалось, будто на неё опустилось лёг-

кое облако и решило остаться именно здесь — на её плечах, на талии, на плавной линии бёдер. Пульт закрепили вместо броши, у плеча. Он лёг в наряд так естественно и так эффектно, словно с самого начала был задуман именно как украшение. Со стороны это выглядело не как техническая деталь, а как редкая драгоценность из будущего. Любой, кто увидел бы Киру в этот момент, уже не смог бы отвести глаза. Волосы ей оставили распущенными, украсив их нано-заколкой, выбрав на пульте цвет под цвет платья. Золотистые локоны мягко легли по плечам и спине, заиграли в свете витрин и зеркал, делая весь образ ещё более живым. А глаза у Киры были той редкой красоты, от которой у людей на секунду сбивается дыхание. Огромные, сияющие, они меняли цвет в зависимости от света и настроения: то становились иссиня-серыми, то вдруг уходили в изумрудную зелень, то делались серо-голубыми, почти прозрачными. Эта красота досталась ей от мамы. Когда Кира подняла взгляд на своё отражение, она на секунду замерла. В зеркале стояла уже не просто красивая девушка и не чья-то послушная дочь. Там была молодая женщина, от которой веяло светом, тайной и тем самым очарованием, после которого мужчины совершают глупости, а женщины начинают смотреть на себя в зеркало внимательнее. Грэтта оглядела её с головы до ног и довольно кивнула. — Вот теперь всё как надо.

Глава 18. «Аль-Мирадж»

Накануне шейх Саид ибн Рашид аль-Нахайян прилетел в Сочи по приглашению своего старинного друга — высоко-го чиновника, принадлежавшего к тому редкому и чрезвычай-но гостеприимному сорту людей, которые любят большие праздники так, словно от количества огней, музыки, шаш-лыка, салютов и важных гостей напрямую зависит благопо-лучие государства. Саид прибыл на своём любимом сверх-звуковом борте «Аль-Мирадж», и самолёт этот был для него не просто игрушкой богача, а предметом подлинной, почти мальчишеской гордости. Длинный, стремительный, с тон-ким хищным носом и такой линией корпуса, будто он даже на земле продолжал лететь, «Аль-Мирадж» сокращал путь от Сочи до Абу-Даби до смешного быстро. Саид находил в этом не только удобство, но и особую, почти детскую радость: ему нравилось, когда расстояния вели себя прилично и не смели тратить его время. Сам шейх был крепко сбитым, высоким, плечистым, чернобровым мужчиной с той мужской красо-той, в которой не было ни грамма сладости, зато было всё остальное: порода, ум, живая сила, воля и какая-то опасная, почти мальчишеская насмешка над миром. Лицо у него было выразительное, подвижное, с мимикой мгновенной и очень точной. То одну бровь приподнимет, будто уже понял, чем всё закончится, и только ждёт, поймут ли остальные. То обе

сразу. То нахмурит лоб своим особенным, только ему подвластным способом, и тогда у собеседника мгновенно возникало ощущение, будто он где-то ошибся, хотя ещё даже не успел ничего сказать. Саид очень звонко смеялся, быстро говорил, а думал ещё быстрее. И в этом было его главное обаяние: рядом с ним всегда казалось, будто жизнь идёт чуть стремительнее, чем у всех остальных. — Ты всё такой же: быстрый, как фотон в вакууме — ни массы, ни тормозов, — сказал ему старый друг на аэродроме, обнимая его с той широкой сердечностью, которая бывает только у людей, уверенных, что они у себя дома и всё вокруг организовано ими лично. — А ты всё такой же: как ветерок — лёгкий, свежий и прямо в цель, — тут же отозвался Саид с забавным акцентом, больше похожим не на акцент, а на его собственный, оригинальный диалект. У Саида было очень концептуальное мышление. Его интересовали не просто вещи, а идеи, стоящие за вещами. Он не восхищался дорогой машиной только потому, что она дорогая. Его восхищал двигатель, если в нём была мысль. Не любил картину только потому, что она редкая. Его занимало, каким способом художник поймал пространство. Он восхищался новейшими технологиями с такой искренней страстью, с какой другие мужчины получают удовольствие от власти, охоты или опасных женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.